

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2011
XX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
668
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Т о м XX

Экспресс-выпуск • Express-issue

2011 № 668

СОДЕРЖАНИЕ

1275-1299 Светлой памяти
Юрия Болеславовича Пукинского.
М. В. ПУКИНСКАЯ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XX
Express-issue

2011 № 668

CONTENTS

1275-1299 The blessed memory
of Yuri Boleslavovich Pukinsky.
M.V. PUKINSKAYA

A.V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S. Petersburg University
S. Petersburg 199034 Russia

Светлой памяти Юрия Болеславовича Пукинского

М.В.Пукинская

Мария Витальевна Пукинская. Ул. Наличная, д. 36, кор. 3, кв. 472,
Санкт-Петербург, 199226, Россия.

Поступила в редакцию 5 июня 2011*

Юрий Болеславович Пукинский (1932–1997) – замечательный русский орнитолог, натуралист-фотограф, автор научно-популярных книг. С его именем связаны орнитологические исследования на Северо-Западе России, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке; изучение биологии сов, редких птиц России, гнездования и голосового поведения птиц. Им опубликовано около 150 работ.

Юрий Болеславович родился в Ленинграде 19 августа 1932 года. Его родители не имели отношения к зоологии. Мать была учительницей. Отец, химик по образованию, увлёкся историей города и стал знаменитым в те времена экскурсоводом и автором до сих пор популярных книг о памятниках архитектуры и истории Петербурга.

Наклонности Ю.Б. к зоологии проявились очень рано. Мальчиком он расспрашивал родителей обо всех встреченных за городом животных. На всю жизнь запомнил очарование от пения зарянки, которая ещё долго оставалась для него безымянной птичкой с оранжевой грудью. Летом азартно собирал коллекцию насекомых. «С детства меня занимало все живое – птицы, звери, гады, рыбы, насекомые. Этот интерес постепенно перерос в желание посвятить себя биологии. Однако первое время я колебался, не зная, какой из групп животных отдать предпочтение»[†].

Его зоологическое образование началось с охоты. Эта страсть, знакомая каждому охотнику, захватила его полностью. Первыми были утиные охоты. «Не дождусь, когда вновь услышу этот волнующий свист крыльев!» Он научился узнавать уток по облику и повадкам, различать их возрастные и сезонные наряды. Знания и опыт приобретал сам – учиться было не у кого. Собирал охотничью литературу, и всё вычитанное сразу же испытывал, отмечая надуманное от настоящего. Охота увлекла его настолько, что школьником он «мечтал о трудной и опасной профессии промыслового охотника в тайге, требующей вынос-

* Очерк написан в августе 2000 года.

[†] Здесь и далее я привожу выдержки из публикаций Юрия Болеславовича, его служебных автобиографий, дневников, писем и разговоров с ним, если помню их почти дословно, а также собственные ему выражения.

ливости и мужества». Энергия его была поразительна. За неделю два-три раза уезжал вечером в лес с ночёвкой, чтобы застать рассвет уже на месте. Дома мастерил объёмные чучела, вырезал и раскрашивал профили. Реже удавалось достать манных птиц.

Постепенно он осваивал всё новые виды и приёмы охоты. Осенью — на рябчика с манком, на выводки тетеревов, на вальдшнепов на «высыпках», на зайцев «в узёрку», а позже с чьими-нибудь гончими. Весной ставил шалаши на тетеревиных токах. Глухари долго были только мечтой. Потом они стали главным объектом весенней охоты. Начинал искать тока по мартовскому снегу, по первым чертежам, проводил ночи на подслухе. «Тэк, тэк — повторяется ещё и ещё. Звуки становятся всё уверенней, азартней и, наконец, захлёбываясь в непомерно быстром повторении своего «тэк», глухарь «заточил», зашептал лесу о своей любви. Чёрт возьми, до чего прекрасна эта непохожая на песню песня!» Ю.Б. освоил эту охоту так, что позднее сумел не только сфотографировать токующих глухарей, но и снять о них превосходный фильм. Охоту на тяге в ту пору не любил, считая её слишком лёгкой, «барской», «напоминающей о бричке и сухих бисквитах».

Помимо обычных промысловых видов, он стрелял всех знакомых и незнакомых птиц. Самым желанным был трофей, который ещё ни разу не попадал в руки. Некоторые виды определял, только добыв птицу. В послевоенные годы это был наиболее реальный путь самообразования начинающего зоолога, поскольку оружие было доступно, а полевые определители — нет. Охота тогда (за исключением немногих промысловых зверей) регламентировалась только сроками, а представление об охране природы было извращено до такой степени, что всячески поощрялся отстрел любых хищников («пищевых конкурентов»), в том числе филина и орлов. В 17 лет Юрий Болеславович ещё не задумывался, насколько это плохо, но отвращение к утилитарному подходу к живой природе, восхищение перед совершенством её созданий, были свойственны ему всегда. «Наконец, после многолетних мечтаний, видел и подержал в руках огромного филина. Он был убит кем-то другим, брошен ещё месяц назад и совсем разложился. Чёрт знает что! Увидеть, убить филина и бросить этого красавца, короля наших ночных лесов, просто так! Уйти, не заметив всей этой красоты. По-моему, это преступление!» Или отзыв об одном из спутников: «Он охотник неплохой, но с несколько экономической жилкой».

Сам он был прежде всего натуралист, исследователь. Добытые трофеи рассматривал, бережно препарировал и делал чучела, создавая собственную коллекцию. Проводя всё свободное время с ружьём в лесу, наблюдая и выслеживая животных, он узнавал об их жизни то, чему не научиться ни по каким книгам и что даёт только практический опыт. «Понятие об охоте, как о выстреле по дичи, у меня не

укладывается в голове... Не знаю почему охота, где необходимо скрадывать дичь чуть ли не часами, мне нравится больше всех других». Позднее заметил: «Скрадывание заставляет быть вдумчивым и наблюдательным».

Юрий Болеславович Пукинский. Река Бикин, весна 1973 года.

В начале 1950-х годов он стал учиться в Ленинградском сельскохозяйственном институте, специализируясь в лесной энтомологии. Потом он говорил, что если бы не стал орнитологом, то изучал бы насекомых. Я думаю, что невозможность ружейной охоты на них повлияла на его выбор в пользу птиц. «Если охота мешает работе – бросай работу!» – шутил он.

Во всех своих поездках он вёл подробнейшие дневники. Записи сопровождались многочисленными зарисовками с натуры и картами-абрисами с обозначениями мест обнаружения животных, найденных

10-15 cm

40

сложился.

The diagrams show a fish-like shape on the left and a cross-section on the right. The cross-section is an oval with a horizontal diameter of 9.5 and a vertical diameter of 5. A vertical dimension line between the two shapes is labeled 14.

Полуметаллическая
сварка - 2.5 мм

9.5

3. Unglückliche Reise.

A hand-drawn diagram of a bowl-shaped object. The object is shown in a perspective view, with a circular top edge and a curved bottom. The top edge is labeled with a dimension of 6.5. The bottom edge is labeled with a dimension of 7.5. The object is shaded with diagonal lines to indicate its three-dimensional form.

Гидро-Бур / 310
шестерни
дуги ... шугар

маленькое
24 апреля
1956г.

Баюшув
от оз.
Пунктом в М...
и тому раскрасована и
и тому раскрасована и
и тому раскрасована и

Идя по болоту от оз. Пимено в Таласея и
как-то замечая. К этому расклевывала хворостом
погода и немалыми порывами (в смысле дуть) до-
вольно. Размечтая и до того, что зноя не было, выдал
перед собой следственную картину: Вдруг порыв
издали вылетает изверг, и сурово делавато
ручье... Собака вертеть изверг... зрелище востро
ручье... Собака вертеть изверг... зрелище востро
ручье... Собака вертеть изверг... зрелище востро

мелко. Но в облаках
тасто кричат
журавли. Облака
мелко, все мелче, распуше-
лись (но не зацвели.) вихо-
ватые сережки. Волны ходят изредка брызговиком как
Пилемот и т.д.

Кремлем и начал
своей военной мис-
сии. Будучи в Коре-
ю, сел в ка-
ну. После этого
он начал

.....

сегод и
состав
дичи) до-
бавил выдв-
вдвур парн
составо
ит все сбрн
кесоворотн, и не
и кесов-
су х помидом
мы помидом
руки и м...
и м... и

нашрро парни при боевые солнца. На
случае микши 17а собралось до 20 птнз.
на том том " Мигу, чуу и кину кину-
мше давалим.
хор тона: слано 3 час. утре
парни одноврменн слемаломе не
и не калематом, востит светли."
пеламе слано 4 часу. В 4 час. ибиза
притинь все вдрд калематом по-
и 5 час. или тмат по "

токов, гнёзд, перечней встреченных видов. Помимо анализа охотничьих успехов и неудач, описания впечатлений, дневники содержат профессиональные наблюдения за образом жизни и поведением птиц, реже зверей, и в них почти не упоминаются насекомые – удивительно для человека, готовящегося стать энтомологом.

Охота по-прежнему была для него «конечно, на первом месте». На охоту он любил ездить один или с одним-двумя друзьями – С.С.Роо, О.С.Русаковым, В.П.Галанцевым, Г.А.Пукинской, Э.Н.Головановой, позднее с К.Н.Бобровым и со мной. Он набирался опыта, «взрослели» и его трофеи. Зимой охотился на лосей, на рысь, в одиночку убил на берлоге первого медведя. Шутя, рассказывал, как формируется охотник: «В первый год он «топало», то есть ходит, бродит, но ничего не видит. Во второй он «ахало» – находит дичь, но выстрелить не успевает, а только «ахает». На третий он «бахало», находит, стреляет, но мимо. И только на четвёртый год он охотник». Юрий Болеславович не охотился только на волков – «уж очень они на собак похожи».

В студенческие годы Ю.Б. совершил свою первую дальнюю поездку, в Савальский лесхоз Воронежской области. «Узнал много новых птиц». По окончании института в 1956 году он был направлен в Молодеченскую область Белоруссии помощником лесничего. «Типично курортные места, множество озёр с чистыми песчаными берегами... Меня поразило в этом районе исключительно малое количество птиц. За неделю обследования не встретил ни одного лосиного следа. Здесь можно увидеть всё, кроме птиц и зверей». Через два месяца он вернулся в Ленинград и устроился работать на кафедре лесной энтомологии Лесотехнической академии. «Наличие на этой кафедре кабинета биологии лесных зверей и птиц окончательно решило мою судьбу. Я стал орнитологом». Однако путь его к этому был очень непростым.

В обязанности Ю.Б. в академии, помимо лаборантских, входило обучение студентов охоте и подготовка коллективных охот. Работа со студентами приносила удовлетворение, он с радостью делился своим опытом. Среди них находились единомышленники, дружбу с которыми он сохранил на всю жизнь. А вот групповые выезды со случайным коллективом, отнимавшие много времени, были тяжёлой повинностью. «Облавная охота – просто убийство. Спортивный интерес минимальный, игра в карты, от тебя зависит очень немного... Странным образом все, кроме меня, оставались довольны охотой. Меня же шатанье по лесу такой артелью, почти ничего не видя и не слыша, просто бесит... Вернувшись из лесу усталый, я должен был препарировать добытых кем-то птиц и зверей, а найдя хорошее место для охоты уступать его другим. И скверно, когда в лесу каждым твоим шагом командуют! Но ничего по поделаешь, работа и есть работа». Многодневные усилия по подготовке сложных охот нередко сводились к нулю одним начальст-

венным распоряжением. Тем не менее, Ю.Б. старался относиться к неприятностям с юмором, и иногда это удавалось ему замечательно. Показателен случай на одной из охот. Зимой «лесорубами был поднят медведь, которого в тот же день «обрезали» двое, мой студент и наш начальник. У первого в окладе был действительно зверь, у второго, запутавшегося в следах, пустой квартал леса. О, сколько шуму, бахвальства, какой ореол славы создал вокруг себя этот человек, как отчитывал нас! Звонил по телефону, который специально был починен, приглашал на охоту «элиту»... Меня же смущало, что зря будут гонять по морозу многих людей, я думал об его отношении к подчинённым, к моим друзьям и моим нечастым просьбам... Ночью я выстругал из досечек нечто вроде медвежьих лап. Привязав их к валенкам, мы дали ложный выход на шоссе. Впечатление создалось следа медведя, затоптанного человеком. Скольких трудов это стоило! На следующий день наш самоуверенный окладчик носился по дороге в поисках сходного следа. Крикливость, начальственный тон – всё исчезло в один миг. Замучил я его до того, что он произнес: «О, как мне надоели эти медведи, как я устал!» А на следующую ночь выпал снег, надёжно спрятав все следы».

Со временем Ю.Б. привык к коллективным охотам. В 1970-80-е годы вокруг него сложилась дружная компания, участники которой до сих пор с воодушевлением вспоминают поездки с ним, замечательные не только своей успешностью, но и особой атмосферой «охотничьего братства». Ю.Б. называли Учителем – «Учитель сказал, передай Учителю», и т.д. Охотились в основном на копытных. Ю.Б. учил разбираться в следах, объяснял на месте, как нужно гнать зверя, как представлять стрелков. «Самое неприятное в охоте – это подранок», говорил он, и если это случалось, то такого зверя преследовали иногда по двое суток. Учитель внимательно следил за тем, чтоб ошибка кого-то из товарищей не стала предметом насмешек. Умея очень быстро распознать в новичке настоящего охотника, он незаметно брал его под своё покровительство, больше рассказывая ему, «случайно» ставя на лучшие номера. После необъяснимого досадного промаха кого-либо из команды он делал это неизменно, считая, что в таком случае человеку необходим хороший выстрел не только для «реабилитации» в глазах товарищей, но и для самоутверждения. Помню, как один из постоянных участников этих охот вдруг начал мазать. Ю.Б. не замедлил применить к нему свою систему, но тот снова промахнулся и, бросив ружьё на снег, разразился бранью в собственный адрес. Закончил он свою тираду словами: «Что им (лосям) – леса мало?! Почему они все на меня выходят?» А Ю.Б. невозмутимо продолжал «подавать» ему зверей, пока этот человек вновь не стал стрелять безупречно. Пожалуй, эти «маленькие хитрости», а также очевидные подтверждения своего знания животных

доставляли ему наибольшее удовлетворение на коллективных охотах. Однажды зимой, после неудачного загона, он объяснял новичку, каким именно путём должен был пойти лось от загонщиков, где пересечь стрелковую линию, где следовало встать, и услышал в ответ: «А можно я проверю?» – «Конечно!» – «Так ведь прошёл же!» – радостно рассказывал он дома. Тем не менее, главными впечатлениями от охоты всегда были наблюдения. «Видел ястребиную сову. Подлетела близко и, сидя на сухой верхушке, щебетала на солнышке, как дневная птица». Или: «Слышал воробьиного сычика», и т.д. Охотником Ю.Б. оставался всю жизнь, хотя с возрастом почти перестал стрелять птиц («слишком я их знаю»), кроме глухаря на току. И в экспедиции ружьё уже не брал.

В зимнем лесу. Ленинградская область, начало 1970-х годов.

Заканчивая разговор об охотничьей стороне жизни Ю.Б., нельзя не рассказать о собаках. Они были его постоянными спутниками. Сначала ему не везло – его питомцы рано погибали. Первую лайку, когда она только начала радовать хозяина хорошей работой, съели волки. Он горевал о ней, как о близком человеке, но между тем написал: «Странно

одно — к волкам, главным виновникам моего несчастья, я не испытываю никакой ненависти, даже оправдываю их. В лесу «закон тайги» и изволь, милый, с этим законом считаться. А волков бояться — в лес не ходить. Так что, охотник, заводь новую собаку, да не забудь первой — она научила тебя многому». Последующие собаки жили у него по 20 лет и прекрасно работали. Мне всегда казалось, что его четвероногие друзья на него похожи и по-своему перенимают от хозяина не только охотничьи навыки, но даже обаяние. Держал он всегда лаек, породистых и полукровок. Они больше всего подходили к его любимому стилю охоты — в одиночку или вдвоём-втроём с товарищами, по чёрной тропе и по снегу. Я слышала реплику одного охотника в ответ на похвалы довольно условной «лайке» Юрия Болеславовича — «Ну, Пушкинский и козу научит охотиться!»

С Чуком. Ленинградская область. Начало 1960-х годов.

Самым знаменитым стал Шалый-второй, бывший цепной собакой Шариком и не выдавший леса до трёх лет, когда Ю.Б. его купил. Через два года этот пёс в совершенстве освоил охоту на белку, норку и куницу, а ещё через некоторое время — на лося. Долгую зимнюю ночь Шалый не мог высиживать в избе. Ближе к утру он будил хозяина, просился наружу, а к рассвету иногда уже находил куницу. Он двигался по лесу не положенным галопом, а трусцой или шагом, тем не менее успевая проверить все следы. Благодаря этому он меньше уставал и мог работать по многу дней подряд даже при глубоком снеге. Шалый научился определять, на кого идёт охота. Если хозяин был один, пёс не обращал внимания на лосей, будто не замечая, а когда собиралась большая компания, то искал именно их. Гнал он лосей не спеша, «не нажимая», и если зверь не был ранен, за линию стрелков не уходил.

Лайки сопровождали Ю.Б. во всех экспедициях. «Как старику Шалому, с которым я исходил почти весь северо-запад России, провёл несколько сезонов в бескрайних тростниковых займищах Барабы, блуждал на озере Чаны, побывал на Днепре и во множестве других чудесных уголков, я доверительно шептал на ухо молодому псу Чуку: «Подожди немного, мы ещё с тобой побродим по дебрям Уссурийского края! Собака внимательно слушала, как бы размышляя, а время шло». Очень редко он использовал своих питомцев для розыска птичьих гнёзд, и когда говорил: «Собаку я беру с собой в основном для того, чтобы было с кем разговаривать», был недалёк от истины. Ю.Б. очень ценил фразу Джима Корбетта (знаменитого охотника за тиграми-людоедами начала XX века), сказанную о старом спаниеле, которому уже не встать с подстилки: «Всего золота Индии не хватит, чтобы купить его у меня». Так он относился к собакам и сам.

В Лесотехнической академии Ю.Б., как и прежде, мог заниматься орнитологией лишь урывками, в выходные дни. Участие в летних экспедициях (за свой счёт) приходилось вымаливать. «Душа моя, полная стремлением узнать новое, увидеть новые виды в самой природе, рвалась, изнывала о таких поездках». Экспедиции были охотоведческие: подбирались водоёмы, пригодные для выпуска бобра и ондатры, проводился отлов чёрной ондатры. Так он объездил Великолукскую и Новгородскую области, работал на озере Вялье. Во всех этих поездках он вёл орнитологические наблюдения. Летом 1958 года состоялась его первая самостоятельная экспедиция в Горный Алтай. Вместе со студентами он проводил фаунистическое обследование Чойского лесхоза. В результате было выявлено 118 видов птиц, получены подробные сведения о численности, характере пребывания и гнездовании многих из них, собрана коллекция шкурок.

В начале 1960-х годов Ю.Б. перешёл на работу в ВИЗР (Всесоюзный институт защиты растений). По времени это совпало с кампанией по борьбе с водяной крысой в Барабинской низменности, где широко-масштабная распашка степей и посев зерновых привели к массовому размножению этого грызуна, уничтожавшего местами весь урожай. Несколько лет подряд организовывались экспедиции в Новосибирскую область для разработки методов снижения численности водяной полёвки. Испытывались отравленные зерновые приманки, опыление болот (основных очагов её размножения) обычными и токсичированными нефтепродуктами с самолёта.

Ю.Б., участвуя в этих экспедициях, работал над своей кандидатской диссертацией «Влияние химических методов борьбы с водяной крысой на орнитофауну Барабинской низменности», которую защитил в 1966 году. Поразителен объём его исследований и бережность к объекту изучения: при тщательном проведении разнообразных опытов в

природе и в неволе, возможность отравления птиц он выяснял косвенным путём, сведя к минимуму прямые эксперименты. «Основное внимание было обращено на поведение птиц в природе, на манеру поедания ими корма».

На весенней экскурсии: Людмила Гавриловна Юдина (Потылицина),
Константин Алексеевич Юдин, Юрий Болеславович Пукинский.
Ленинградская область, 1960-е годы (из архива Л.В.Фирсовой).

Его диссертация включала, по существу, три больших работы: фаунистическую; специальное исследование питания фоновых и редких видов; токсикологическую, с рекомендациями, направленными на сохранение орнитофауны. На территории региона было выявлено 169 видов птиц. Среди них оказались и неожиданные находки. Например, он обнаружил на гнездовье вертлявую камышевку, которую ни до, ни после этого орнитологам здесь встречать не приходилось. Изучение питания различных видов показало, что снизить смертность от отравления зерноядных птиц реально, если применять против водяной полёвки непривлекательные для птиц плавающие приманки. Что же касается плотоядных видов, то наиболее пагубно поедание отравившихся животных для крупных дневных хищников (большого подорлика, например) и сов, так как они поглощают добычу полностью, вместе с кишечником. Поэтому предотвратить гибель этих птиц возможно, лишь используя яды избирательного действия.

С 1964 года Ю.Б. стал работать в Ленинградском университете и начался самый плодотворный период его профессиональной деятельности. Кафедру зоологии позвоночных вскоре возглавил профессор А.С.Мальчевский, ставший его учителем, соавтором и другом. Юрий Болеславович был к тому времени уже сложившимся орнитологом, но у Алексея Сергеевича учиться можно было всегда. Блестящий учёный, глубоко интеллигентный и разносторонне эрудированный, с мягким юмором, он был замечательным собеседником. Любой разговор с ним был познавателен и интересен. В Пушкинском Мальчевский нашёл не только единомышленника, незаменимого помощника и благодарного слушателя, но и человека, чья независимость суждений основывалась на оригинальном личном опыте работы с птицами, включая и охотничью практику, и располагавшего обширными, часто неожиданными сведениями о самых трудных для изучения в природе видах. Истина рождалась у них не в споре, а в беседе.

На одном из заседаний Учёного совета Алексея Сергеевича Мальчевского спросили, доволен ли он своим сотрудником. «Я не просто доволен Юрием Болеславовичем, я им горжусь», – был ответ.

Весной они вместе ездили записывать на магнитную ленту голоса птиц, которые А.С. знал в совершенстве и прекрасно умел имитировать – от крика тетеревины, самца и самки кукушки до пения дрозда-белобровика и некоторых других воробьиных. Ю.Б. показывал ему дупелиные тока, гнёзда орлов, журавлей, сов. В одну из таких поездок родилась идея фильма. На глухарином току оживлённо обсуждался загадочный пробковый звук, после которого петух не слышит. Ю.Б. рассказывал всё, что знал об этих птицах, например о том, что осенью молодые самцы начинают петь молча, отрабатывая сперва позы и артикуляцию, а звук появляется позднее; о последовательно сменяющихся фазах весеннего тока. «Юра, а фильм о токовании глухаря можно снять? – Можно». Его уверенность была основана на опыте фотографирования и на том, что глухарь использует для пения 1-2 соседних дерева, поэтому если убрать лишние присады, то птице придётся позировать перед камерой.

При энергичной поддержке А.С.Мальчевского удалось заинтересовать кинокафедру университета, и Ю.Б. повёз съёмочную бригаду на великолепный ток в 100 км от Ленинграда. В первые дни не обошлось без недоразумений. Заметив интерес оператора к природе, Ю.Б. принялся рассказывать о животных, обращая его внимание на звериные следы на тропинках и остатках снега в лесу. В лагере он заметил, что явно усталый оператор вечером не спит, а ведь ночью уже нужно идти на ток. Спросив, в чём дело, услышал что-то неопределённое. Приглядевшись, Ю.Б. заметил, что тот сидит на топоре. «А топор зачем?» – «Сам же говоришь, что здесь живут рыси, волки, медведи!» – ответил

хмурый и сонный оператор. После убедительного разъяснения, что они не мешают спокойно отдыхать, этот человек быстро привык к лесу и получал от работы удовольствие. Фильм был снят за одну весну.

Занятость на кафедре и нездоровье Алексея Сергеевича делали их совместные поездки не слишком частыми, но потому особенно интересными и запоминающимися. Оба они принадлежали к тем редким людям, с которыми в природе видишь гораздо больше, чем без них. В домашних рассказах об «орнитологических экскурсиях» (название книги Мальчевского) в деталях передавались и встречи со зверями, вероятно, как наиболее волнующие.

В одну из осенних поездок, наблюдая пролёт птиц, они присели отдохнуть на выгоне и услышали рывканье лося. Разговор, естественно, зашёл о нем. «Юра, а подманить Вы его можете?» – «Могу». «Зверь продолжал кричать, и я рывкнул несколько раз в ответ. Через минуту раздался треск в кустах, на поляну выскочил лось и пригнув рогатую голову, уставился на нас. Чуть не затоптал. «Набычившись», он неподвижно рассматривал нас, потом выпрямился и, фыркая, не спеша удалился». А.С. быстро оценил достоинства Юрия Болеславовича в качестве экскурсовода в лесу и по возможности «угощал» им особенно уважаемых зоологов. Как-то весной, стоя на просеке, полого спускающейся вниз по краю старого ельника и поднимающейся на другой холм, Юрий Болеславович (в присутствии А.С.) рассказывал приезжему поляку о том, что в таких местах устраивают берлоги медведи. «А вот, кстати, и он сам идёт», спокойно добавил он. Действительно, навстречу им, под гору, не спеша шёл медведь. «Зверь был большой, но отощавший за зиму, так что шкура казалась ему велика и при каждом движении «играла» на солнце. Бинобль был один, и оба маститых орнитолога по очереди выхватывали его друг у друга. Я не каждый день встречаю медведя, мне тоже хотелось рассмотреть его, но видеть их восхищение было не менее приятно».

Вместе с Алексеем Сергеевичем они задумали провести современную инвентаризацию орнитофауны Ленинградской области, сравнимую с добротными исследованиями Е.А.Бихнера и В.В.Бианки конца XIX – начала XX века. Этой цели и были подчинены экспедиционные работы Юрия Болеславовича в 1960-х годах. Ему удалось впервые доказать гнездование на данной территории золотистой ржанки, среднего кроншнепа и некоторых других видов. Однако фаунистические исследования не ограничивались выяснением видового состава, численности, характера пребывания и распределения птиц. Пукинский собрал огромный материал, характеризующий их образ жизни, в первую очередь редких и малоизученных видов. Основные данные о местных совах: болотной и ушастой, неяснях, воробьином сычике и мохноногом сыче, о филине, – также получены им в эти годы. Он объездил всю Ленин-

градскую область, выделив наиболее ценные для сохранения птиц участки. Ставил вопрос об организации национального парка на Ракковых озёрах Карельского перешейка («орнитологического рая»), но прибыльность лова ондатры на этих водоёмах оказалась непреодолимым препятствием. Интенсивно занимался изучением хищных птиц, многие из которых оказались на грани исчезновения. Проводил авиаучёты, поиск их гнёзд с самолёта. Вышедший в 1964 году закон об охране редких хищных птиц и сов не решал проблему. Например, через два года была застрелена последняя, четвёртая по счёту самка в гнезде беркута, находившемся под наблюдением в течение 11 лет и тем не менее постоянно разоряемом, и орлы покинули его. Судьба этого гнезда была типичной. Стало ясно, что никакие запреты не помогут, если не изменить отношение людей к хищным птицам. И Юрий Болеславович писал статьи в их защиту. Читал лекции в обществе охотников, на заводах и в других аудиториях, рассказывал о жизни этих птиц, демонстрировал диапозитивы.

Фотографированием животных в природе он занялся ещё студентом. Сначала это была любительская съёмка с подхода. Увлечению фотографированием способствовала его дружба с Клаусом Миера – немецким студентом, учившимся в Ленинграде и уже тогда «довольно прилично знавшим воробьиных птиц и их гнёзда». Вместе они занимались настораживанием фотокамер. Перейдя на фотографирование из укрытия, Ю.Б. сразу понял его преимущества. «Фотография – это способ регистрации наблюдений, один из самых доступных, и в то же время самых объективных». Со свойственной ему энергией и изобретательностью он принялся совершенствовать этот способ, экспериментируя с разными конструкциями палаток, подбирая оптимальную технику. В 1960-е годы он достиг в этом деле профессионализма, но был, по-прежнему, натуралистом-фотографом, а не наоборот. Примечательна его дневниковая запись о съёмке чибиса на гнезде. «Удовольствие получил колоссальное. И, что интересно, стоило мне так посидеть у этой красотки-хохлушки, насмотреться, как она морщит лобик и т.п., как у меня пропало всякое желание стрелять и других пигалиц. Очевидно, жажда выстрела – результат недостижимости птицы или зверя в природе».

Фотографирование, дающее возможность документального и «бескровного» подтверждения увиденного, стало неотъемлемой частью его орнитологических исследований. Испытав на себе увлекательность, познавательное и воспитательное значение этого занятия, он широко пропагандировал его. Активно участвовал в работе клуба фотоохотников, объединившего людей разных возрастов и профессий. В фотографии он видел также возможность творческого сотрудничества профессионального орнитолога и любителей. Радовался их снимкам, запе-

чатлевшим межняка на току, новых для региона птиц на гнездовье. В то же время он понимал свою ответственность за то, чтобы фотографирование не наносило ущерб Природе. Много лет целенаправленно подбирал материал для руководства «Методика съёмки», уделяя основное внимание зоологической стороне дела: каких птиц можно снимать начинающему, какие боятся объектива, вспышки, раскрытия гнезда, как нужно провожать фотографа в укрытие и т.д. «Техника меняется, и что такое выдержка и диафрагма можно прочесть в любом справочнике, я же должен рассказать, как получить хороший снимок, не погубив гнездо». Поэтому даже сокращённый вариант его «Методики», опубликованный в виде главы в книге для школьников «36 радостей», не потеряет своего значения.

Юрий Болеславович Пукинский с птенцом уссурийской совки. Бикин. 11 июля 1974 года.

Летние поездки Ю.Б. по Ленинградской области продолжались до 1968 года, когда представилась возможность дальних командировок. «Побывать на Дальнем Востоке России было страстной мечтой моего детства... видение синей птицы для меня всегда связывалось с неведомыми краями и нехоженными тропами», — писал он в предисловиях к своим книгам о Приморье. «Синей птицей» был для него рыбный филин, одна из наименее изученных птиц нашей фауны, гнёзд которой

никто из орнитологов прежде не находил. Но не только это влекло его в Приморье. Он чувствовал необходимость сравнений, желание увидеть что-то принципиально новое, и фауна дальневосточных лесов его интересовала чрезвычайно.

С пойманным на спиннинг тайменем. Река Бикин, июнь 1973 года.

В первую экспедицию Юрий Болеславович посетил заповедник «Кедровая падь», а затем, по совету и при содействии Б.К.Шибнева, обосновался на реке Бикин, где и проработал девять летних сезонов. Место оказалось действительно уникальным. В сущности, «дебри Уссурийского края» к тому времени сохранились только здесь. Соседние долины Имана и Хора были уже хозяйственно освоены. В ту пору он был единственным орнитологом, стационарно работавшим на Бикине, во многом — первооткрывателем. Работать здесь летом тяжело, а по словам В.К.Арсеньева, невозможно: многоярусный лес, жара, высокая влажность и полчища гнуса. Но для человека его склада это был подарок судьбы. Здесь его радовало всё — мощь и богатство нетронутой кедрово-широколиственной тайги, разнообразие и необычность птиц, отрезанность от цивилизации, вековые традиции отношений в удэгейской «коммуне», где порядочность, уважение и внимание к человеку выработались самой суровостью жизни, как законы тайги — Природой.

Вскоре Юрий Болеславович стал среди удэгейцев своим, и очень дорожил этим: «...я взял бы тебя в свою бригаду. — От этих бесхитростных слов лучшего в Яру охотника я покраснел, как мальчишка. Для

меня они были высшей наградой». А как помогали ему удэгейцы он с благодарностью писал во всех своих книгах о Приморье.

Рыбного филина Ю.Б. принялся искать в первый же сезон работы на Бикине, шаг за шагом постигая образ жизни этой удивительной птицы. Но об этом лучше прочесть в его книге «По таёжной реке Бикин». Достаточно сказать, что всю весну 1970 года он старательно выслеживал рыбных филинов, регулярно кричавших в одних и тех же местах. В конце концов ему удалось увидеть, как эту, предполагаемую, пару подкармливают рыбой старые птицы. Столь длительная родительская забота у рыбных филинов на Бикине оказалась правилом. А на следующий год он нашёл гнездо своей «Синей птицы».

У гнезда рыбного филина. Река Бикин. Май 1971 года.

«Это не сова, а дух лесов бикинских... Вообще это, конечно, не птицы, а заколдованные человечки... Я прожил с ними почти всю весну. Я был гостем, они – хозяевами. Они меня терпели – я от них был в восторге». Рыбные филины не переставали преподносить ему сюрпризы. Выяснилось, например, что регулярно исполняемая вблизи дупла

четырёхсложная песня – слаженный дуэт. Если не слышать поющих сов вблизи, не видеть, как ритмично «вспыхивают» в темноте белёсые основания перьев под клювом, когда горло раздувается в момент крика, то и в голову не придёт, что поют не одна, а две птицы. Он узнал также, что в отличие от других сов, у рыбного филина за подростками птенцами присматривает самец, охотящийся поблизости, а более мощная самка подолгу выслеживает на реке крупную рыбу, отдавая часть добычи прошлогоднему потомству, и т.д.

Наблюдения за совами Приморья, конечно же, были необходимы Ю.Б. и для понимания группы в целом. Например, знакомство с иглоногой совой. Кладка её была описана, но о птенцах, которые стрекочут, как цикады, и об образе жизни почти ничего не было известно. Охотясь за насекомыми, иглоногая сова стремительно проносится между кронами деревьев, в темноте настигая в воздухе даже летучих мышей. У этой ночной птицы почти нет лицевого диска, он мешал бы ей летать с большой скоростью. Так стало очевидным, что степень его развития у сов связана с манерой охоты, а не со временем их активности, как считалось. «По внешнему виду совы, в частности по её лицевому диску, можно с большой долей вероятности определить стиль её охоты, представить тип полёта и даже предположить, характерны ли для её птенцов игры, имитирующие охоту. Функция и форма всегда взаимосвязаны, хотя понять это сразу порой не удаётся».

Обдумывая общие вопросы биологии сов, Ю.Б. постоянно экспериментировал в природе. Например, выясняя остроту и точность слуха этих птиц прослеживал, сидя в палатке у гнезда, их реакцию на различные звуки. Изучая возможности зрения, проверял, как совы видят вдаль и накоротке, в условиях разной освещённости. При таком подходе его удивительная наблюдательность позволяла даже из простых, казалось бы, фактов, делать интересные выводы. «Будучи дальнорезкими птицами все совы, особенно большеглазые формы, вероятно, не видят в непосредственной близости перед собой... Когда сова подносит пищу ко рту, она всякий раз при этом закрывает глаза. Наклонившись, прикасается к жертве клювом и окружающими его щетинками, отыскивает её голову и, убедившись на ощупь, что добыча мертва, начинает её поедать. ...если совке быстро подносить почти к самым глазам даже любимую пищу, то она никак не реагирует на неё. Однако стоит отодвинуть корм хотя бы на десять сантиметров, как птица тут же замечает его и схватывает». «Наблюдая за поведением филина днём, нельзя не удивляться, как далеко замечает он пролетающего дневного хищника или ворону, даже если смотрит против солнца». Если «сова следит задвигающимся вокруг неё человеком, её глаза всё время направлены на него. Голова поворачивается очень плавно. Но когда человек начинает уходить за пределы поворота шеи совы, голова её почти мгновенно

поворачивается обратно и уже с другой стороны, схватив цель обоими глазами, сова вновь следит за ней».

Изучая трофические связи сов, Ю.Б. дополнял существующие методы изучения питания фотографированием птиц с добычей у их гнёзд. Это позволило ему подробнее выяснить качественный состав рациона взрослых и птенцов. Его особенно интересовала пластичность пищевого поведения птиц, в первую очередь с точки зрения возможности их сохранения в условиях усиливающегося антропогенного влияния. Само распределение сов в долине реки, хозяйственное освоение которой только началось, было показательным: рыбный филин у воды, иглоногая сова, длиннохвостая неясыть, уссурийская, изредка ошейниковая совки в пойме, бородатая неясыть вблизи обширных моховых болот, на них же, в небольшом числе, филин. А от устья, по полям и пустошам на месте вырубленных лесов, проникали в долину Бикина ушастая и болотная совы. Самым уязвимым из перечисленных видов оказался рыбный филин, благополучие которого, особенно в зимний период, зависит от рыбных запасов реки, уже к тому времени сократившихся. Кормовая база насекомоядных сов и особенно миофагов меньше пострадала, а возникающий дефицит гнездовых ниш возможно было компенсировать развеской дуплянок, модели которых Ю.Б. испытывал на Бикине. «Фактор беспокойства», из-за которого исчез ряд хищников из густонаселённых областей, на сов производит минимальное воздействие. Среди птиц равного с совами размера трудно назвать группу, представители которой более доверчивы». То, что у промысловых охотников на Бикине было совершенно не принято умышленное уничтожение сов, внушало оптимизм.

К моменту написания «Жизни сов» (середина 1970-х годов), Ю.Б. успел познакомиться в природе с 16 из 18 обсуждаемых в книге видов (кроме сипухи и буланой совки). При этом он избегал заключений об их систематике в своих публикациях, полагая, что отряд в целом изучен недостаточно. Между тем, не обсуждая ранг различий, он считал, например, единство рода неясытей сомнительным, так как по комплексу признаков бородатая неясыть – скорее гигантский мохноногий сыч. Говоря об окраске оперения сов, он подчёркивал особенную важность рисунка, а не цвета. Тонкая поперечная исчерченность перьев брюшной стороны у ушастой совы, в отличие от болотной, была для него одним из убедительных доводов, свидетельствующих, что родство этих птиц гораздо более отдалённое, чем принято считать. В окраске он придавал большое значение мелким, но «бесфункциональным» деталям. Например, наличие нескольких белых пёрышек на затылке у рыбных филинов и таких же у африканского *Bubo shelleyi* наводило его на мысль о том, что роды *Bubo* и *Ketupa*, наоборот, ближе. Обсуждая возможные филогенетические связи сов, Ю.Б. анализировал все

признаки, включая поведенческие. Например, как совы кормят птенцов. «Нащипав кусочки мышц из принесённой добычи и изогнувшись, сова нащупывает приоткрытым клювом голову птенца, который начинает сбоку вытаскивать из него пищу. Вся процедура удивительно напоминает сцену кормления птенцов ракш и даже дятлов. Совсем не так поступают дневные хищные птицы, которые подают корм, удерживая его кончиком клюва, как пинцетом». Насколько верны его соображения, покажет время. Я привожу их потому, что они характеризуют его стиль работы внимательного наблюдателя и могут быть интересны будущим исследователям. Сам он упоминал об этом лишь вскользь.

Работая в Приморье, Ю.Б. занимался, конечно, не только совами. Каждый сезон его пребывания на Бикине был отмечен новыми находками. Например, 1973 год он провёл в верховьях реки, изучая образ жизни дикуши, впервые детально описал её ток, развитие птенцов, поведение. «Брачный танец дикуши можно наблюдать стоя открыто (!) в 4-5 метрах от токующего самца. При этом птица не то что не боялась человека, но периодически, при его движении, угрожала ему! Чудоптица! ... Я часами пас их, словно пастух... Мы жили среди них целое лето, воспитывали их птенцов».

В 1974-75 годах, в среднем течении Бикина, он выследил на мари чёрных журавлей, гнёзд которых никто не находил и даже область гнездования была известна лишь предположительно. Юрий Болеславович описал кладку и птенцов, собрал разнообразные материалы о

жизни журавля-монаха. Эти сведения и установленная им географическая широта мест гнездования этой птицы позволили Всемирному фонду охраны журавлей создать необходимые условия, и уже в 1975 году появился на свет Пуки (Роokie) – первый вылупившийся в неволе чёрный журавль.

В полевом лагере. Река Бикин, Бурлит. 10 июля 1978.

За десятилетие исследований на Дальнем Востоке Ю.Б.Пукинскому удалось собрать новые данные, характеризующие образ жизни таких малоизученных птиц, как амурский волчок, ястребиный сарыч, уссурийский зуёк, большой козодой, колючехвостый стриж, серый личинкоед, бледноногая пеночка (первое описание гнездования), буробокая белоглазка и многие другие. Для большинства из них впервые выяснена продолжительность насиживания яиц и пребывания птенцов в

гнезде, дано описание тока, голосовых реакций, развития птенцов. В общей сложности он провёл наблюдения примерно за 2000 гнёзд 120 видов птиц.

Сравнивая местных птиц с европейскими, он сформулировал такие особенности гнездования в многоярусных лесах Приморья, как подъём гнезда вверх, разделение зон тока и гнездования у большинства лесных видов, увеличение продолжительности насиживания и сокращение времени пребывания птенцов в гнезде, общую растянутость сроков размножения; малочисленность птиц при большом видовом разнообразии и ряд других положений.

На реке Луге в Ленинградской области. 22 августа 1981.

В Приморье окончательно сложились его общие представления об изменении орнитофауны в результате хозяйственного использования угодий. В Ленинградской области, сопоставляя список птиц начала XX века с современным, он вместе с А.С.Мальчевским пришёл к выводу о «европеизации» местной фауны. На Бикине стало очевидным, что на смену узкоспециализированным аборигенам приходят виды с широкой нормой реакции. То есть под воздействием человека происходит повсеместная «тривиализация орнитофауны», и единственный способ противостояния этому — сохранить достаточные площади исконных местообитаний.

С 1979 года Пукинский вновь начал работать на северо-западе России, как и прежде уделяя основное внимание редким и малоизученным видам и дополняя совместную с А.С.Мальчевским монографию о

птицах Ленинградской области вплоть до её издания в 1983 году. Эту книгу, как и совместные статьи, они писали по очереди: текст Юрия Болеславовича Алексей Сергеевич заново переписывал от руки, дополняя и совершенствуя. Совещались дома и по телефону, звонок в два часа ночи был привычным. Удивительны отношения этих двух людей – глубокая взаимная симпатия и привязанность, искреннее восхищение друг другом. Не было случая каких-либо обид или размолвок. Они замечательно дополняли друг друга: артистичный, тонкий знаток музыки Алексей Сергеевич, и Юрий Болеславович, умевший подманить голосом ревущего лося или кричащую неясыть так же просто и естественно, как прочесть к месту по памяти стихи. А общими у них были интеллигентность, человечность и никогда не ослабевавший интерес к природе, птицам и жизни. И, думая о Ю.Б., невольно вспоминаешь их обоих.

В конце 1980-х годов Ю.Б. ездил в Среднюю Азию, познакомился с буланой совкой и другими среднеазиатскими птицами, записывал их голоса. Последние десять лет занимался в основном голосовым общением птиц – вопросами влияния звуковой среды на формирование голоса в онтогенезе и в эволюции вида и других таксонов, ландшафтных и зональных особенностей пения родственных видов, функционального значения голосовых реакций и их роли в становлении местных группировок птиц («квантовость» распределения по территории), и т.д.

Большое место в деятельности Ю.Б.Пукинского занимало создание научно-популярной литературы. Его писательство было потребностью: восхищаясь птицами, не мог не рассказать о них другим, а когда освоил фотографию, стал публиковать книги. «Мне так хочется показать всё, что вижу сам». «Я понял, что долг учёного перед природой – пропаганда зоологических знаний в самых широких кругах населения. В противном случае все идеи охраны природы повисают в воздухе». Уже в первых изданиях (в соавторстве с Э.Н.Головановой) – «Птицы вокруг нас» (1964), «Птичьи заботы» (1967), взял за правило короткие, но максимально содержательные тексты к снимкам. Возмущался подписями типа «Чомга на гнезде с птенцами». «Кроме видового названия, никакой информации!» Его книги – глубоко профессиональный, взволнованный разговор о птицах, об их удивительном многообразии и совершенстве, об их нелёгкой жизни. Увлекая читателя, он заставляет его видеть природу и думать о ней. «Можно ли любить природу абстрактно, не представляя, что именно в ней и почему вызывает в твоей душе глубокий отклик? ... По-моему, нет. Любовь – конкретное, хотя часто и подсознательное чувство. Стало быть, чтобы по-настоящему полюбить природу, понять её и бережно к ней относиться, нужно узнать её». Для этого и созданы все его книги. Нет смысла рассказывать о них, их лучше прочесть или перечесть.

Дома за рабочим столом с собакой Дуськой. Ленинград, 25 октября 1986.

Он всегда говорил, что пишет «трудно», и это было правдой. Масса черновиков, бесконечные переделывания текста; без ножниц и клея за стол не садился. Однако, самую увлекательную и поэтичную свою книгу, «В поисках рыбного филина» («По таёжной реке Бикин»), написал «на одном дыхании», почти начисто, в палатке у гнезда и в перерывах между наблюдениями. Образность и глубина восприятия им природы поразительны. С Дальнего Востока писал: «А ночи здесь чудные – тёмные, но звучные – как в храме, с хоров несётся приглушённый стон уссурийских совок. Он чем-то напоминает далёкий колокольный звон – монотонный, но в то же время и музыкальный, чувствуется, что исполняет его звонарь-профессионал. Только загрустишь под этот звон, как ритм или тон его незаметно меняется, а с ним меняются и мысли». Или, о птенце глухой кукушки: «В чёрном его облике, в тёмных глазах и мощной чёрной бороде, которую он постоянно умышленно демонстрирует, есть что-то от Емельяна Пугачёва».

К популярным изданиям он относился так же серьёзно, как и к научным. Говорил, что популярные книги писать труднее, поскольку необходимо просто рассказать о сложном, и что в них текст «должен быть не только безукоризненно точен в наблюдениях, но и «с кусочком сердца». Поэтому, хотя бы частично, нужно писать «по горячим следам».

Работая с птицами, он месяцами жил по их расписанию, их заботами и тревогами. – «Белая лазоревка, московка и малая синица два дня подряд носили к гнёздам строительный материал – мою бороду». «Когда над гнездом летел чужой чёрный журавль, «мои» вдруг издали скрипучее курлыканье и принялись резко приседать, складывая и вновь вытягивая шеи. Их мелькающие белые головы и шеи видны издали». Он был «лично знаком» со многими птицами, поэтому и рассказы его о них так подлинны и живы.

В Петербургском университете Ю.Б. читал курсы «Методика полевых исследований» и «Частная орнитология», выезжал на практику со студентами, руководил их научными работами. Читая лекции из года в год, всегда подолгу и тщательно готовился к каждой – изменял, вставлял новое. Показывал цветные диапозитивы и проигрывал звукозаписи. Говорил, что «оттачивает» понятность изложения и проверяет свои мысли, и что в трудной профессии преподавателя главное – не просто дать знания, но и научить думать. Многие студенты, которые слушали его или работали с ним, считают, что им повезло. Что же касается учеников, то напряжённость его полевой работы, неделями без отдыха и почти без сна, в мороз и в жару, была «не для белого человека». Не все могли её выдержать. «Юра же такой один», с грустью говорил Алексей Сергеевич. Ю.Б. оставил скорее последователей, живущих в разных городах, а теперь и странах, которые увлеклись орнитологией и восприняли его стиль работы благодаря его книгам, а знакомились с ним уже позднее. Он гордился ими так же, как немногими своими учениками.

Юрий Болеславович был необычайно жизнерадостным человеком, «умение удивляться» сохранившим до конца дней. Трудно передать его обаяние – были в нём какое-то пронзительное сочетание мужественности и мягкости, искренняя, открытая доброжелательность и такое знание леса, словно он в нём родился и сам был его частью. Стихи Вознесенского «Душа моя, мой зверёныш, меж городских кулис щенком с обрывком верёвки ты носишься и скулишь» – конечно, о нём. Он был счастлив, когда весной, «сменив городской костюм на смокинг для курения махорки», мог заняться любимым делом – изучением птиц. Уныние ему было несвойственно. Даже в последние, трудные годы он всегда говорил: «Надо уметь радоваться тому, что есть».

Он любил музыку, прозу, особенно Чехова и Бунина, поэзию Есенина, Вознесенского, стихи и песни бардов, восхищался Высоцким. Среди его товарищей были люди разных специальностей и культуры: учёные, музыканты, художники, рабочие, инженеры, крестьяне, охотники. Его обаяние, дружелюбие и сердечность были притягательны. Он всегда радовался чужим успехам не меньше, чем своим, «завидовал белой завистью». Умел миролюбиво и надёжно «подставить плечо», если

кого-то обижали. Считал, что «с каждым человеком нужно уметь разговаривать на его языке». Ему это удавалось, поэтому доброжелателей он находил всюду, где бы ни появился: в мастерской художника, в охотничьем промхозе или в глухой деревушке.

Юрий Болеславович заслуженно считался специалистом по совам, но в действительности был одним из очень немногих орнитологов, так широко и глубоко знающих фауну России. Ему нравились все птицы неинтересных не было, но особенно совы и, пожалуй, глухари, орлы, журавли. – «Знаешь, в крупных птицах что-то есть!»

Он умер в 64 года, но прожил яркую, интересную жизнь и многое успел сделать. Он оставил после себя книги и статьи. Их научное значение велико, а нравственное невозможно измерить: они – светлое окно в любимый им мир природы для многих поколений людей. И если по-прежнему будет греметь весной разноголосый птичий хор, будут хохотать в ночи совы, шептать в предрассветных сумерках свою древнюю песню глухари, радовать глаз вольный полёт орлов – то в этом и его большая заслуга.

Ещё он оставил глубокий и добрый след в сердцах любивших его людей. Светлая Память.

Санкт-Петербург, август 2000 года

Юрий Болеславович Пукинский. Автопортрет.